

Русский язык сегодня

Людмила ВЕРБИЦКАЯ

2007 год – год русского языка в мире. Это событие заставляет нас внимательно проанализировать процессы, происходящие в русском языке сегодня, понимая, что при изучении любого языка необходимо исследовать и внутренние языковые закономерности и внешние по отношению к языку факторы.

Языковое сообщество переживает разные периоды своего существования. Смена государственного строя, политические и экономические преобразования, новые социокультурные условия существования – всё это, несомненно, не только обуславливает характер функционирования языка, но и способно привести к некоторым внутрисистемным языковым изменениям.

Социально-коммуникативная система языкового сообщества очень сложна. Это литературный язык, просторечие, социальный и территориальный диалекты со своими функционально-стилистическими разновидностями, арго.

В период, когда языковая ситуация отличается нестабильностью, как результат нестабильности социальной, происходит своеобразное смешение, подмена диалектов, стилей, которые под воздействием процессов, происходящих в обществе, теряют свою функциональную прикреплённость.

В этой ситуации даже литературный язык, по определению кодифицированный, подвергается столь сильным волнам социального, культурного и политического воздействия, что его носитель начинает терять устойчивые ориентиры, языковая норма становится неустойчивой, способы речевой реализации задуманного теряют свою эффективность.

Литературный язык, будучи компонентом культуры, должен быть неким ориентиром, устойчивой основой порождения речи, отличаясь при этом социальной престижностью. Но под воздействием ряда причин престижными для достаточно широких слоев населения стали характерные «вкрапления» в литературный язык – иностранные заимствования, жаргонизмы, элементы просторечия.

Само по себе их вхождение в литературный язык может быть и оправданным, и полезным, но в периоды социальных, культурных бурь и натисков мы сталкиваемся с их явной избыточностью, неотобранностью, поскольку «языковой вкус эпохи», призванный быть неким фильтром, с отведенной ему ролью не справляется.

Но была ли возможность если не предупредить эти процессы, то хотя бы снизить их активность, не стали ли они результатом отсутствия эффективной языковой политики государства и общества?

По всей видимости, ответ не может быть однозначным. Возможно, был шанс избежать бесконечного наплыва элементов «низкого» стиля на радио, телевидение и страницы газет, не допустить некоторых просчетов в преподавании русского языка и литературы.

Но в целом характер и сложность проблем, определяющих особенности языковой ситуации в России, носили объективный характер и были своего рода аналогами сложнейших процессов происходящих в Российском обществе.

Наше общество справедливо обеспокоено состоянием русского литературного языка. Мы живем в атмосфере многочисленных отступлений - в публичной речи - от его норм. Этот процесс затронул - *орфоэпические* нормы: смещение ударения (дóговор, при́говор, осуждение, осужденный и т.п.); *грамматические* - например, множество отступлений от нормативного управления: тормозить чему? (как мешать); указывать о чем? (как говорить) и т.п.; *лексические* - в речь свободно вставляются: наработки, обратно - опять, по жизни, до фонаря и масса других просторечных, а иногда и жаргонных слов и выражений («Нас кинули, но мы не прогнулись» - А.Б.Чубайс). В речь, прежде всего газетную, включается много заимствованных слов (брокер, виртуальный, дистрибьютор, консенсус, риелтор, сингл, электорат и др.), из которых, по наблюдению исследователей (Е.В.Какорина, О.В.Высочина), адекватно понимается читателями не более трети.

А чего стоят такие утверждения, звучащие с трибун и появляющиеся в прессе:

Я хочу ответить коротко и лаконично.

Главная суть заключалась в следующем.

Желаем не деградировать к худшему.

Существует опасность личной безопасности.

Широким фронтом проносятся птицы.

В летний период многие дети поедут отдыхать.

Сложным остается вопрос и о местных диалектах. Если в течение долгого времени считалось, что под воздействием языка радио, кино и телевидения они сближаются с литературным языком, то сегодня становится очевидным, что «территориальный крестьянский диалект медленно трансформируется в особые новые формы разговорной речи» (А.С.Герд).

Эти и многие другие процессы оказывают давление на составителей грамматик и, особенно, словарей, в результате чего общество получает

орфоэпические и орфографические словари, в которых наблюдаются разночтения, что создает трудности уже в чисто практических сферах: оценки знаний по русскому языку в школе и вузе, в деятельности СМИ.

Непростым оказывается сегодня и подготовка перечня норм современного русского языка, так необходимого для реализации основных пунктов принятого Думой «Закона о русском языке».

Нельзя не говорить сегодня о том, что носителями языковой информации стали технические и программные средства и в том числе – Интернет. Появилось даже новое понятие – интерактивного взаимодействия (бумажные аналоги, как правило, отсутствуют).

Примитивизация языка часто является результатом примитивизации картины мира. Упал общий культурный уровень даже людей, имеющих среднее и высшее образования. «Я ограничиваю себя по жизни, но не настолько, чтобы фанатеть», - говорит актриса Наталья Астахова в телевизионном интервью; «страшно любопытный концерт» - слышим довольно часто, а «смотреть «Иоланту» - уже перестаёт удивлять. Когда-то Л.В.Щерба рекомендовал искать норму в произведениях лучших писателей, а сегодня в каких произведениях её можно найти?

В.Соловьёв был уверен в том, что каждый носитель языка должен обязательно владеть тремя стилями: высоким, средним и низким. Высокий использовать, обращаясь к богу, средний – к собеседнику, низкий – к себе самому. Исчезновение высокого стиля привело к тому, что его место занял средний, а вульгарный, низкий занял место среднего, традиционно являющегося источником поступления в нормативный язык элементов системы.

Безусловно, совсем ещё недавно язык был задушен штампами, жёсткой идеологизированностью. Именно поэтому речь, звучащая с высоких трибун, заполнявшая газетные страницы, была справедливо названа деревянной. Многие из того, что происходит в языке сегодня – противостояние официозу, иногда даже осмеивание того, что было уважаемо.

Вместе с тем, вылившаяся сегодня на слушателей спонтанная, не подготовленная заранее речь неминуемо привела к проникновению просторечных, сниженных форм, к известному засорению языка, которое вошло и в высокие, официальные стили речи, в поэзию, в язык государственных и культурных деятелей, в информацию на международные темы, в хронику официальных событий. Например, слова «вычислить» в значении отыскать, обнаружить, найти кого-нибудь; «прикинуть» в значении приблизительно определить; «тусовка» в значении собрание, встреча;

«оттянуться» (отдохнуть, хорошо провести время); «стрелка» (место встречи), «крутой» (строгий, хороший, сильный, влиятельный), «кичёво» (стильно).

Некоторые слова ушли из обихода (невыездной, партгруппа, диссидент, колхоз, самиздат, подписант, соцлагерь). Вместе с тем вместе с реалиями возвращаются их обозначающие слова: губернатор, гувернёр, меценат, благотворительность, милосердие, казнокрад, казначейство, гильдия и т.д. Вернулись и слова, которые прочно в сознании людей советского общества ассоциировались с буржуазным обществом: например, стачка, безработица, бизнесмен, коррупция, мафия, капитал, банкир. Специальный пласт возвращённой лексики – термины религий, в первую очередь, православной. Сегодня стало обычным делом – освящение квартир, школ, офисов, кораблей. Слова *владыка, приход, миряне, таинство, канонизация* святых стали привычными. При высочайшей динамике лексического изменения русского языка под влиянием английского важно, что русская грамматика как часть системы почти не ощущает этого влияния. С начала 90-х годов прошлого века стали часто употребляться новые растабуированные слова: (наркомания, проституция), выброс, грязь (радиоактивная), рэкет. Новые экономические отношения ввели целый пласт слов, ещё 8-10 лет назад не известных рядовым носителям языка (брокер, дилер, консалтинг, ваучер, хоспис, бартер, экуменизм, конформизм, шоу-бизнес, мейнстрим, рейв, рэп, пирсинг, бодибилдинг, сникерс, гамбургер, джакузи, топлес, дистрибьютер, консенсус, риелтор, сингл и др.).

Принятие огромного количества заимствованных слов привело к созданию сложной сети неопределённых терминов, которые постепенно вытесняют традиционные слова, отражающие национальные особенности речемышли.

Ряд слов – результат широких международных контактов в научно-экономической и научно-технической областях. Это слова типа консорциум, продюсер, ноу-хау, офис, технополис. Это и весь широкий пласт лексики, связанный с компьютерными технологиями (компьютер, принтер, WWW-процессор, диск и т.п.). Вместе с тем большую тревогу вызывает частота употребления иностранных слов, имеющих синонимы в русском (рейтинг, истэблишмент, ротация, плюрализм, брифинг, пресс-релиз, хит-парад, андеграунд, поп-арт и даже выставка-шоу).

И уже совершенно невозможно мириться со словами типа юзеры (пользователи), шузы (ботинки), шоп (магазин).

В стилистике общения особенно настораживает какой-то особый шик так называемых интеллигентов, употребляющих бранные слова, а часто отборный мат.

Страницы газет и журналов заполнили слова: мужик и баба, тусовка и разборка, рехнуться и зарубить (в значении прекратить), дурить, накропать и нахапать, чернуха и крутой, торгаш и обувь, балдеет и разборки, замочить, прикид, обувь и т.д. Часто слышим неправильные формы слов: прибыля и площадя (вместо прибыли и площади), ехай (вместо поезжай), мн.ч. - помидор, апельсин (вместо помидоров, апельсинов); инцидент (вместо инцидент), компентентность (вместо компетентность), подскользнуться (вместо поскользнуться). Нарушаются нормы ударения, например: жалюзи (вместо жалюзи), кварта́л (вместо кварта́л), ката́лог (вместо катало́г), обеспече́ние (вместо обеспече́ние), вручи́т (вместо вручи́т), средства́ (вместо средст́ва), осужде́нный (вместо осужде́нный) и т.п. В ряде случаев нарушается согласование слов: там будут (вместо будет) масса подробностей, нехватка с продуктами (продуктов), поясню о важности (важность), около триста (трёхсот) рублей, получил около восьмиста (восьмисот) звонков.

Я с удовольствием читаю книгу замечательного петербургского писателя Даниила Александровича Гранина “Тайный знак Петербурга”. Здесь – богатейшие воспоминания о жизни, о войне и блокаде, о разных человеческих судьбах, здесь великолепный материал о нашем городе. В известной степени мы с Граниным невольно перекликаемся: каждый пишет *свой* Петербург, как его понимает. Я постоянно обращаюсь к отдельным местам этой прекрасной книги, написанной человеком, близким мне по духу, смею сказать, моим другом и единомышленником.

Но есть в его восприятии современного города одно обобщение, которое мне хотелось бы не столько оспорить, сколько прокомментировать.

“Мне говорят, что культура – это и культура речи. Наш город славился русской речью. Он может стать примером города без мата. Мог бы теоретически. Но, честно говоря, когда я стою, ожидая автобуса полчаса и более, когда ни на одной остановке нет ни расписания, и не известно, сколько ещё ждать, ни о какой правильной речи говорить не хочется”. (Д.Гранин. Глава “Питерские сантименты”).

Конечно, степень современной “раскованности” русской речи сегодня дошла до предела. Наша отечественная литература, опьянев от ощущения предоставленной ей свободы, пользуется нецензурными словом на уровне образности. (Кажется, слава богу, как говорят литературоведы, этой пищей уже накушались, волна пошла на убыль...).

Но ведь в главе книги Гранина “Питерские сантименты” речь идёт о том, что мат, т.е. предельное “опускание речи”, завладевает городом, подавляет его культуру именно как знак неблагополучия в “датском

королевстве”, что мат становится петербургским стилем настолько, что ни о какой правильной речи и говорить не хочется.

Вот здесь мне хотелось бы сказать о проблеме с позиций лингвистики. Законы языкотворчества в каждую эпоху, даже в такую переменчиво-перестроечную, как наша, не настолько слабы и уступчивы, чтобы сменить веками наработанную языковую культуру на грязную пену уличного мата.

Без всякой натяжки наша наука наблюдает развитие речевой культуры Петербурга, выявляет её подлинную специфику, которая сохраняется, несмотря на переселение и подселение других языковых групп, несмотря на исторические жертвы XX столетия, принесённые в лице представителей столичного дворянства, на миллионы жизней петербуржцев, унесённых войной и блокадой. Это отслеживается на разных уровнях.

Следует сказать, что современная городская молодёжь прекрасно владеет ролевым варьированием. Они пользуются в своей среде молодёжным жаргоном, а в иной социальной ситуации вполне владеют литературным языком.

Существование петербургского стиля речи ощущается жителями других регионов России. Подчас люди из других городов, не зная языковых тонкостей, отмечают: “Вы явно не из Петербурга, даже говорите не так, как петербуржцы”. А одному нашему горожанину сказали: “Ой, да у вас петербургский акцент”.

Возрождению интереса к русскому языку и необходимости защищать его на всех уровнях способствовали проведённые в апреле 2004 года и мае 2006 фестивали «Русское слово». Мне кажется, что будущее не только России, но и других стран в значительной мере зависит от того, удастся ли сохранить национальную культуру и нормативный язык. Наша задача – помочь прекрасному русскому языку, переживающему не очень лёгкий период своего развития.

Эта задача становится особенно актуальной в связи с тем, что 2007 год объявлен годом русского языка в мире.